

УДК 811.161.1-115'373+811.581-115'378:82-84

DOI: 10.17223/19986645/65/10

О.Г. Щитова, А.Г. Щитов

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И ЛАКУНАРНОСТЬ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проанализированы явления межъязыковой фразеологической эквивалентности и лакунарности в русском и китайском языках на материале фразеологизмов с компонентом-колоративом. Выявлены полные, неполные эквиваленты, а также безэквивалентные фраземы, коррелирующие с абсолютными и относительными языковыми лакунами. Выделены типы межъязыковых лакун и лакунарных фразеологических единиц; обнаружены абсолютные, векторные и ассоциативные межъязыковые лакунарные фразеологизмы, несущие этноспецифическую информацию.

Ключевые слова: фразеология, межъязыковая фразеологическая эквивалентность, лакунарность, этнокультурная специфика, русский язык, китайский язык.

Введение

Язык отражает окружающий мир разными средствами, в него проецируются архетипы, уклад, история, верования и особенности культуры этноса. В этноязыковом сознании человека оформляется концептуальная картина мира, национальная специфика которой представляет интерес для современной лингвистики [1]. Сопоставительное изучение лингвокультур позволяет определить сферы межкультурной коммуникации и национальное своеобразие языка и культуры в разных областях деятельности [2–6]. Сопоставительная фразеология направлена на выявление этноспецифики в выражении фразеологической семантики [7–10] и осмыслении ценностной картины мира [11, 12]. Сопоставительное исследование фразеологии в лингвокультурологическом аспекте представляется своевременным и актуальным, поскольку межъязыковые и межкультурные контакты разных народов носят устойчивый характер. Фразеология сохраняет в языке живые образы и метафоры, воспроизводящие картину мира, унаследованную от предков, аккумулирует культурный потенциал народа. Центром внимания исследователей становятся явления фразеологической эквивалентности и лакунарности как выражение этнокультурной специфики сопоставляемых фразеологических систем.

Поскольку цветовая картина мира является одной из базовых универсалий любой культуры, сравнительно-сопоставительный аспект исследования актуален также для решения проблемы выявления универсального и

национально-специфического в цветовой картине мира разносистемных языков, таких как русский и китайский. Возросший интерес к китайскому языку обусловлен масштабностью контактов и необходимостью эффективной коммуникации, важным условием которой становится расширение знаний о культуре партнера. Русские и китайские фразеологические единицы с компонентом-колоративом в аспектах межъязыковой эквивалентности и лакунарности еще не были предметом специального рассмотрения и требуют углубленного сопоставительного анализа.

Объект изучения в данной работе составляют фразеологические единицы с компонентом-колоративом в русском и китайском языках. Предметом исследования являются межъязыковая эквивалентность и лакунарность русской и китайской фразеологии в аспекте национально-культурной самобытности. Цель данной работы – выявление и описание универсальных ценностей и этнокультурной специфики в межъязыковых фразеологизмах, находящихся в отношениях эквивалентности и лакулярности. Материалом для изучения послужили фразеологические единицы с компонентом-колоративом, почерпнутые из фразеологических и толковых словарей, справочников названий цветов русского и китайского языков, информационных ресурсов Интернета, Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и др. Всего анализу подвергнуто около 300 фразеологических единиц русского и китайского языков; к фразеологизмам в широком смысле отнесены семантически связанные устойчивые выражения номинативного и коммуникативного характера, в том числе идиомы, пословицы, поговорки.

Задача выявления этнокультурных особенностей русской и китайской фразеологии определяет методику исследования, которое состоит из нескольких этапов.

Первый этап работы заключался в составлении глоссария на основе фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков и других источников: публицистических материалов, художественной литературы и живого общения носителей языка.

На втором этапе исследования производилась верификация семантики и внутренней формы фразеологических единиц китайского языка и выявлялся круг ассоциативных реакций на русские и китайские фразеологические единицы путем лингвистического и ассоциативного экспериментов, респондентами которых были носители русского и китайского языков.

Следующий этап – сопоставление собранного материала и его интерпретация в русском и китайском языках: а) выявление межъязыковых фразеологических эквивалентов и их классификация; б) обнаружение и лингвокультурное описание межъязыковых лакун и лакунарных фразеологических единиц разного типа.

Проблемы исследования

Обратимся к проблеме межъязыковой фразеологической эквивалентности. Эквивалентом в лингвистике называется «единица речи, совпадающая по функции с другой, способная выполнять ту же функцию, что другая

единица речи» [13. С. 522]. Под *фразеологическими эквивалентами* понимаются фразеологические обороты, совпадающие «и по смыслу, и по образной основе» [14. С. 10]. Эквивалентные отношения языковых единиц наблюдаются как внутри одного языка, так и при сопоставлении разных языков. В контрастивной лингвистике и переводоведении под *межъязыковыми лексическими эквивалентами* понимают межъязыковые синонимы – постоянные равнозначные соответствия, которые до определенного времени и места уже не зависят от контекста [15]. Проблема межъязыковой эквивалентности «является критерием и мерилom сопоставительного анализа, поскольку выявление сходств и различий между единицами языков – основную задачу контрастивной лингвистики – можно иначе обозначить как исследование факторов, создающих и нарушающих эквивалентные отношения» [16. С. 67].

Проблемы межъязыковой фразеологической эквивалентности и лакуарности занимают особое место среди задач контрастивной фразеологии. По мнению Ю.А. Долгополова, впервые употребившего термин «межъязыковые фразеологические эквиваленты», так называются «фразеологизмы, совпадающие по своей семантике, образу, стилистической окраске» [17. С. 207]. Таким образом, анализ отношений фразеологической эквивалентности строится на основе сопоставления фразеологической семантики, образного строя и стилистических свойств разноязычных фразеологических единиц (аналогичное понимание см. в работе [18]). В дальнейшем в процессе разработки проблемы межъязыковой эквивалентности фразеологических единиц внимание ученых привлекает также структурно-грамматический и компонентный состав разноязычных фразеологизмов [19]. Кроме этого, разрабатываются аспекты анализа денотативно-сигнификативного, коннотативного компонентов семантики фразеологических единиц [20, 21].

К *межъязыковым фразеологическим эквивалентам* относятся фразеологические единицы в сопоставляемых языках, совпадающие друг с другом по семантике (фразеологическому значению), это межъязыковые равнозначные соответствия. С точки зрения структурно-типологических и семантических сходств и различий фразеологических единиц в сопоставляемых языках лингвистами выделяются следующие виды эквивалентов: полные и неполные / частичные / ограниченные.

Под *полными фразеологическими эквивалентами* понимают фразеологизмы, «имеющие одинаковые сигнификативно-денотативное значение, субъективно-оценочную, функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотацию, структурно-грамматическую организацию и компонентный состав. При этом совпадение структурно-грамматической организации... фразеологических единиц подразумевает учет специфики типологических признаков, присущих одному языку и не характерных для другого» [19. С. 97–98]. Помимо названных характеристик, полные фразеологические эквиваленты обладают идентичной внутренней формой. Под *внутренней формой* фразеологической единицы принято понимать

«...диахроническую связь фразеологического значения оборота и его этимологию» [20. С. 42]; внутренняя форма фразеологизма выводится из прямых значений входящих в него компонентов. *Неполные (частичные) фразеологические эквиваленты* при общности семантики имеют незначительные различия в плане выражения и внутренней форме (ср.: [22]).

Разработка теории языковой лакуарности восходит к трудам Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне, В.Л. Муравьева, Е.М. Верещагина, Е.Г. Костомарова, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, Г.Д. Гачева, Ю.С. Степанова, Л.Г. Золотых, С.Г. Тер-Минасовой, И.Ю. Марковиной, Г.В. Быковой и др. В переводе с латинского *lacuna*, ае, f значит ‘пропуск, яма’. В компаративной лингвистике *лексической лакуной* считается отсутствие в лексической системе языка слова для значения, выраженного в других языках [23; 24. С. 120–121].

Под *межъязыковой (интерлингвистической) лакуной* понимается пробел, пустота, отсутствие полного эквивалента в одном языке по отношению к определенной языковой единице сопоставляемого языка. По мнению В.Г. Гака, интерлингвистические лакуны – это межъязыковые лакуны, т.е. «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют специальное вербальное обозначение в другом языке» [25. С. 261]. Интерлингвистическая лакуна в одном языке коррелирует с лакуарной языковой единицей в сопоставляемом языке. Вслед за Л.К. Байрамовой мы определяем «межъязыковую лакуарную единицу как такую, которая в другом языке имеет пробел, пропуск, пустоту, т. е. лакуну – нулевой коррелят лакуарной единицы» [26. С. 22]. Соответственно, под *межъязыковой лакуарной фразеологической единицей* понимается фразеологизм, который в сопоставляемом языке имеет лакуну, пробел во фразеологической системе языка. *Межъязыковая фразеологическая лакуарность* – это свойство фразеологических систем языков при их контрастивном описании, отсутствие эквивалентного фразеологизма в сопоставляемом языке. Изучение данного явления позволяет выявить этнокультурную специфику фразеологических систем сопоставляемых языков.

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность

Среди эквивалентных фразеологических единиц русского и китайского языков выделяются полные и неполные (частичные) фразеологические эквиваленты. Под *полными межъязыковыми фразеологическими эквивалентами* понимаются фразеологические единицы в сопоставляемых языках, совпадающие по семантике, внутренней форме и стилистическим свойствам. *Неполные (частичные) межъязыковые фразеологические эквиваленты* – фразеологические единицы, имеющие в сопоставляемых языках идентичную / близкую семантику и различающиеся внутренней формой, компонентным составом и/или стилистической окраской. Внутренняя форма выражает «первоначальное денотативное значение, вытекающее из

совокупности реальных значений слов-компонентов» [27], поэтому внутренняя форма китайской фразеологической единицы, как правило, определяется ее дословным переводом. Прозрачную внутреннюю форму имеют фразеологизмы, способные функционировать в речи как свободные словосочетания (*называть черное белым; виноград зелен; черная кошка пробежала; рисовать черными красками; черным по белому; белая ворона*). Именно во внутренней форме фразеологической единицы, которая является образным представлением о мире, хранится культурная информация, которая придает фразеологизму культурно-национальный колорит (ср.: [28. С. 82]).

К полным межъязыковым фразеологическим эквивалентам можно отнести следующие: *среди бела дня* ‘в светлое время суток’; ‘днем, при ясном дневном свете’ [29. С. 200] – 大天白日 dàtiān-báirì ‘белый день, среди бела дня, днем’ [Там же]; данные фразеологические единицы семантически соотносятся со светлым временем суток, компонент-колоратив *белый* – 白 имеет значение ‘светлый’ [30]; *с белого листа* – 白紙 báizhǐ.

Русское устойчивое сочетание *с белого листа*, синонимичное выражению *с чистого листа*, имеет значение ‘(начать) что-либо заново, сначала’; приведем примеры употребления фразеологической единицы с компонентом-колоративом *белый*: «Какой женщине не хочется счастья! Решили начать *с белого листа*. Да только недолго продолжалось то призрачное счастье» (Ольга Шило. Предаст ли еще раз единожды предавший? // Семья. 2001.11.14); «Девушка бросила мать, дочку и решила начать жизнь *сначала*, так сказать, *с белого листа*» (Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)); «Много происходит чего-то такого каждого / в жизни каждого из нас / когда кажется / что вот табула раса абсолютно / ты начинаешь *с белого листа*» («Декабрьские диалоги» на Медузе, которые проводит «Открытая библиотека». Дискуссия журналистов Романа Супера и Екатерины Кронгауз. 19 декабря 2015) (выделено мною. – О.Щ.) и т.д. [31]. Русский фразеологизм *с белого листа* полностью эквивалентен китайскому 白紙 báizhǐ (дословно: «белый лист бумаги, белая бумага») ‘чистая бумага’, имеющему внутреннюю форму в соответствии с дословным переводом «белый лист бумаги, белая бумага» и зафиксированному в китайско-русских словарях в образном значении ‘с чистого листа; с нуля’: «在美术方面他是一张白纸，得从头学起 / рус. он ничего не знает об искусстве, поэтому ему приходится обучаться с нуля, с чистого листа [30]. Таким образом, становится очевидным, что проанализированные разноязычные коррелятивные фразеологические единицы идентичны по семантике, внутренней форме, стилистическим свойствам и, следовательно, являются полными (абсолютными) межъязыковыми фразеологическими эквивалентами.

Фразеологизмы рус. *черная душа* ‘злой человек’ и кит. 黑良心 hēilíangxīn (дословно: «черная совесть») ‘злодей’ [30] также являются полными межъязыковыми эквивалентами, поскольку совпадают по образной фразеологической семантике; при этом они идентичны своей внутренней

формой и компонентным составом: рус. *черный* и кит. 黑 hēi имеют тождественную семантику ‘отрицательный, плохой, злобный’. Рус. *душа* и кит. 良心 liángxīn обозначают внутренний мир, характер человека: слово *душа* отмечено в значениях ‘психический мир человека, человек с теми или иными свойствами характера’ [32], кит. 良心 liángxīn зафиксировано в словарях со значениями ‘совесть, честь; честность, добросовестность, сознательность’ и включает в себя семантический компонент 心 xīn ‘душа’ [30].

К числу неполных межъязыковых фразеологических эквивалентов относятся русская фразеологическая единица *называть черное белым* [29. С. 392] ‘искажать или извращать истину, перевирать факты’ и китайский фразеологизм 颠倒黑白 diāndǎo hēibái, имеющий внутреннюю форму «переворачивать, переставлять черное и белое» и образную семантику ‘извращать истину, подменять правду неправдой; передергивать факты’ [30]. Данные разноязычные выражения идентичны по фразеологическому значению и при этом частично различаются внутренней формой и компонентным составом: в состав русского фразеологизма входит глагол говорения *называть*, а в китайском эквиваленте использован глагол пространственного перемещения объекта – 颠倒 diāndǎo ‘переворачивать, поставить вверх дном, перевернуть верх ногами’ [Там же].

К этой же группе неполных межъязыковых эквивалентов относятся фраземы: с одной стороны, рус. *черный день* – экспрес. ‘очень трудное в жизни кого-нибудь время’ [29. С. 190], с другой – кит. 黑暗的时光 hēi’àn de shíguāng (дословно: «черное время») ‘в расчете на самое трудное время’ [30]; компоненты рус. *черный* – кит. 黑暗 hēi’àn употреблены в одном и том же переносном значении ‘мрачный’; неполнота межъязыковой фразеологической эквивалентности связана с семантической дифференциацией компонентов: рус. *день* и кит. 时光 shíguāng ‘время, времена’ [Там же].

Таким образом, в анализируемой фразеотематической группе выделены полные и неполные межъязыковые фразеологические эквиваленты, которые выражают преимущественно универсальные ценности русского и китайского этносов. Фразеологические единицы, не имеющие соответствий в сопоставляемом языке, называются безэквивалентными и служат проявлением межъязыковой фразеологической лакунарности.

Межъязыковая фразеологическая лакунарность

Явление межъязыковой лакунарности связано с несовпадением, возникающим в результате сравнения языковых, понятийных и иных категорий нескольких лингвокультур [33]. *Межъязыковая фразеологическая лакунарность* заключается в несовпадении фразеологических категорий разных лингвокультур, в частности в отсутствии эквивалентных фразеологизмов в сопоставляемых языках; *межъязыковая лакунарная фразеологическая единица* – это фразема, имеющая во фразеологическом пространстве другого языка нулевой коррелят. В рамках данного исследования межъязыковая эк-

вивалентность / лакунарность фразеологических единиц с компонентом-колоративом устанавливается при помощи русских и китайских фразеологических и толковых словарей, а также лингвистических экспериментов с участием носителей китайского языка (см. также: [34. С. 81–87]).

Во *фразеологической лакунарности* находит выражение этноспецифика фразеологии. При этом следует иметь в виду этнокультурные различия русских и китайцев, проявляющиеся в сложной метафористике и символике образов, заключенных во фразеологизмах. В лакунологии особое внимание уделяется типологии лакун; В.Л. Муравьев и его последователи выделяют следующие типы лакун: абсолютные, относительные, идеографические, ассоциативные [35]. В соответствии с типами лакун производится классификация лакунарных языковых единиц [26], в том числе и фразеологических. В результате компаративного изучения фразеологизмов русского и китайского языков были выявлены следующие группы *межъязыковых лакунарных фразеологических единиц*.

1. **Абсолютно лакунарные межъязыковые фразеологические единицы** этноспецифической символики. Эту группу составили безэквивалентные фразеологизмы, т.е. те, по отношению к которым в сопоставляемом языке отсутствуют фразеологические эквиваленты. Абсолютно лакунарные фраземы являются следствием невозможности у носителей сопоставляемого языка выразить фразеологической единицей какое-либо понятие / суждение, фразеологически зафиксированное в другом языке.

Китайское выражение 白包 *bái bāo* ‘белый конверт’ ассоциируется с траурными событиями: белый конверт с деньгами в Китае преподносится семье умершего. В то же время устойчивое сочетание 红包 *hóngbāo*, *до-словно* «красный конверт», имеет значение ‘денежный подарок, конверт с деньгами’, который обычно дарят на свадьбу, к празднику, в качестве вознаграждения [30]. Данные единицы выражают этноспецифическую символику цвета в китайской лингвокультуре: белый цвет в сознании носителей китайского языка символизирует траур, смерть, в то время как в русской культуре белый цвет связан с праздником, свадьбой, невинностью невесты. В то же время праздник, любовь, счастье, свадьбу, благополучие в китайской культуре символизирует красный цвет.

Русские фразеологические единицы *белая кость* и *голубая кровь* ‘человек знатного происхождения’ [29. С. 317, 323], а также антонимическое выражение *черная кость* ‘человек незнатного происхождения, не дворянин’ [Там же. С. 318] являются лакунарными фразеологическими единицами, для которых не существует эквивалентных фразеологических единиц в китайском языке, поскольку в китайском языке и китайской культуре отсутствуют маркеры принадлежности к знатному роду или благородному происхождению, связанные с колоративами *белый* или *голубой*.

Китайская фразеологическая единица 黄袍加身 *huáng páo jiā shēn*, *до-словно*: «надели на него желтый халат», имеет образное значение ‘провозгласили императором’. В словарях китайского языка данная фразема зафиксирована в значениях ‘стать императором; одержать победу, завоевать

первый приз; вступить на престол; прийти к власти' [29]. В китайской культуре желтый цвет в одежде долгое время символизировал принадлежность к императорской власти и являлся исключительной собственностью феодальных императоров. В современной китайской речи данный фразеологизм употребляется для выражения более широкого значения – достижения победы, вершины в какой-либо сфере деятельности человека. Фразеологическую единицу 黄袍加身 huáng páo jiā shēn (дословно: «надели на него желтый халат») следует считать безэквивалентной лакуарной единицей, поскольку этот статус вытекает из культурно обусловленной этноспецифической символики желтого цвета: это цвет власти, победы.

Лакуарным является и китайский фразеологизм 戴绿帽子 dài lǜmàozi, который имеет внутреннюю форму «носить зеленую шапку» и выражает значение 'рогоносец, обманутый муж'. Анализируемая фразеологическая единица несет отрицательную эмоционально-экспрессивную коннотацию, связанную с культурными традициями китайского этноса, и обусловлена тем, что в Древнем Китае закон требовал от публичных женщин (проституток), их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зеленые головные уборы) [Там же]. Вследствие этого зеленый цвет в Китае символизирует супружескую неверность.

Данная символика зеленого цвета отсутствует в русской картине мира, в ней зеленый цвет символизирует усталость, болезнь, высокую степень проявления негатива, недовольства или раздражения, алкоголь, пьянство: *в глазах позеленело, допился до зеленого змия, позеленел от злости, зеленая тоска, зеленый змий, зелено вино на пагубу дано*. Отсутствие у сопоставляемых в русском и китайском языках идентичных по семантике и внутренней форме фразеологизмов позволяет включить их в разряд абсолютно лакуарных. Названные китайские и русские безэквивалентные фразеологические единицы отражают этнокультурную символику цвета (белого, красного, черного, голубого, желтого, зеленого цветов).

2. Относительно лакуарные межъязыковые фразеологические единицы. В эту группу вошли разноразличные фразеологизмы, хотя и коррелирующие друг с другом по семантике, но различающиеся либо понятийным объемом, либо ассоциативной коннотацией. В соответствии с этим выделены векторные и ассоциативные лакуарные межъязыковые фразеологизмы.

2.1. Векторные относительно лакуарные межъязыковые фразеологизмы различаются понятийным объемом и/или структурой фразеологического значения. Они соотносятся с векторными лакунами, выделяемыми В.Л. Муравьевым, И.А. Стерниным, Б. Харитоновой, Г.В. Быковой и другими лингвистами на основе несовпадения понятийных объемов разноразличных единиц.

Сопоставим две фразеологические единицы: русскую *черные времена* и китайскую 黑暗时期 hēi'ān shíqī, дословно: «черные времена». Русское устойчивое словосочетание *черные времена* употребляется в значении 'тя-

желые, мрачные времена», о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка:

«Через много лет после этого, когда минули тяжкие, *черные времена* для Кулиева и его народа, он писал Симонову: «Помню, как приходил к Вам снежным февральским днем 1944 года в «Красную звезду» (Лазарь Ильич Лазарев. «Для будущих историков нашего времени» (последняя работа Константина Симонова. 1989);

«Попечительство у нас издавна принято понимать весьма своеобразно. Для университета настали *черные времена*. Все, что было в университете молодое, свободное, мыслящее, подверглось преследованиям» (Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003);

«Даже в те *черные времена*, когда многие падали духом, потому что партия громила космополитов» (Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии. 2000); «И он отыгрался – при нем для оперетты в эфире наступили *черные времена*, настоящий «мертвый сезон» (Татьяна Шмыга. *Счастье мне улыбалось...* 2000) (курсив мой. – О.Щ.) [30].

Китайский фразеологизм 黑暗时期 *hēi'ān shíqī* (дословно: «черные времена»), в отличие от русского, является многозначным и зафиксирован в значениях: 1) «мрачные времена»; 2) *ист.* «Темные века (раннее Средневековье)» [30]. Поскольку анализируемые русский и китайский фразеологизмы различаются понятийным объемом и структурой фразеологического значения, их можно квалифицировать как *векторные* относительно лакунарные межъязыковые фразеологизмы, которые совпадают только в одном значении – «мрачные, тяжелые времена». Китайское выражение имеет дополнительное значение, отсутствующее в русском языке: *ист.* «Темные века (раннее Средневековье)»; в этом значении находит отражение характерное для китайской культуры содержание. В истории Китая Темные века связаны с определенным периодом его развития, отличающимся от одноименного периода в европейской истории (VI–X вв.). «В Китае Темные века начались с восстания «Желтых повязок» и гибели династии Хань (183 г.) и закончились с появлением национальных китайских царств (Бэй Чжоу и Бэй Ци) в середине V в.» [36. С. 180]. В русском языке словосочетание «темные века» является метафорой и не связано с определенным периодом истории России. Таким образом, в межъязыковой фразеологической векторной лакунарной единице 黑暗时期 *hēi'ān shíqī* заключена этнокультурная специфика.

Русская фразеологическая единица *белая горячка* «алкогольный делирий» (последствие запоя) является лакунарной, которой в китайском языке соответствует векторная относительная лакуна, обусловленная несовпадением понятийных объемов разноязычных фразеологических единиц [35]. Русский фразеологизм *белая горячка* «алкогольный психоз» [29] обозначает последствие запоя, возникающее «у больных хроническим алкоголизмом на фоне похмельного синдрома, который развивается вслед за прекращением запоя» [37], в то время как китайское выражение 酒狂病 *jǐu*

kuáng bìng ‘белая горячка; запой’ [30] имеет более широкое значение – ‘алкоголизм’.

Таким образом, «понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. оказываются родовыми относительно видовых понятий другого языка» [35].

2.2. Ассоциативные относительно лакуарные межъязыковые фразеологизмы – это разноязычные фразеологические единицы, имеющие нетождественные ассоциативные коннотации; в данном случае лакуарные фразеологические единицы одного языка коррелируют с ассоциативными лакунами сопоставляемого языка [38]. По мнению В.Л. Муравьева, *ассоциативные лакуарные единицы* – это «слова или словосочетания, вызывающие у большинства носителей языка стойкие ассоциации, порожденные... национальным мышлением, и отсутствующие в иной цивилизации» [35]. Ассоциативные лакуны проявляются в нетождественности ассоциаций, закрепленных в сознании людей за разноязычными языковыми единицами. Эти нетождественные ассоциации во многом обусловлены внутренней формой разноязычных фразеологических единиц. Прозрачная внутренняя форма фразеологических единиц китайского языка определяется обращением к их дословным переводам.

Для выявления ассоциативных лакуарных фразеологических единиц был проведен ассоциативный лингвистический эксперимент, в котором приняли участие носители русского и китайского языков, около сорока человек. Русским и китайским респондентам было предложено подобрать ассоциации к межъязыковым фразеологизмам, соответственно русским и китайским. В результате сопоставления полученных ассоциативных рядов выявлялись ассоциативные лакуны – нетождественные ассоциативные реакции на межъязыковые фразеологические соответствия.

Приведем примеры ассоциативных лакуарных фразеологизмов.

Ассоциативными относительно лакуарными фразеологическими единицами являются китайский фразеологизм 背黑锅 bēi hēiguō – *дословно*: «нести на спине черный котел», обозначающий ‘нести ответственность за чужие проступки’ [30], и русская фразеологическая единица *козел отпущения* ‘человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, несущий ответственность за других’ [39. С. 272]. В ней находит отражение специфика русской фразеологической картины мира. Данная единица имеет библейское происхождение и восходит к ритуалу, описанному в Ветхом Завете: козел отпущения – это животное, которое после символического возложения на него грехов всего народа обрекали на гибель, отпуская в пустыню.

Прозрачная внутренняя форма обуславливает различие ассоциативных коннотаций анализируемых фразеологизмов: у носителей китайского языка, кроме прочих, отмечены следующие устойчивые ассоциации: 黑 ‘черный’, 锅 ‘горшок, кастрюля’, 背 ‘нести’, 有罪的 ‘виноватый’, 无罪的 ‘не-

виноватый', 倒霉 'невезение', 骗局 'мошенничество' и подобные. Носители русского языка назвали такие ассоциации, как *козел, простак, виноватый, обвиняемый, невиновный, заброшенный, ненужный, наказанный ни за что, жертва, жертвоприношение, религия*. Очевидно, что различие ассоциативных реакций связано прежде всего с внутренней формой предложенных пословиц: на китайскую фразему – 黑 'черный', 锅 'горшок, кастрюля', 背 'нести'; на русскую – *жертва, жертвоприношение, религия*.

Китайская фразеологическая единица 白璧无瑕 báibì wúxiá (дословно: «на белом нефрите ни пятнышка») 'совершенный, безупречный, без изъяна; кристально-чистый, непорочный' [30] и русская *ни сучка ни задоринки* 'без каких-либо изъянов, недостатков' [29. С. 669] также являются ассоциативными лакунарными единицами, в которых внутренняя форма вызывает культурно обусловленные ассоциации. Так, в древнем Китае нефрит считался царем камней и ценился выше золота и серебра. Об этом свидетельствует китайское изречение: «Золото имеет цену, нефрит же бесценен»; нефритовый цвет воспринимался как очень красивый, чистый цвет. Белый нефрит ценится в культуре Китая выше нефрита других оттенков, он издавна служил олицетворением всего благого и символизировал власть императора; хотанский молочно-белый нефрит цвета «бараньего жира» с матовым оттенком мог принадлежать только императору – «Сыну Неба» [40]. Поэтому в китайском языке существуют специальные обозначения оттенка нефритового цвета, включающее иероглиф 白 'белый', – колоративы 白玉色 báiyù sè, 白璧色 báibì sè 'цвет белого нефрита' [30]. Китайское 璧 bì служит обозначением не только нефрита, но и яшмы; яшмовой регалии'. Кольцеобразная яшмовая регалия являлась драгоценным атрибутом, знаком власти китайской знати, например: 璧琮 bì cóng – восьмигранная яшмовая регалия князя и княгини [30].

Русская фразема *ни сучка ни задоринки* 'без недостатков, идеальный, совершенный' отражала национальное своеобразие русской фразеологической / языковой картины мира. Данное выражение зафиксировано в первом выпуске словаря В.И. Даля (1863 г.) в словарной статье к слову *задирать* с указанием производных на его базе: «Задор, задирка также задраное место на чем, заноза на дереве, задора, задорина, зацепа, зацепина, защепа, заструга. Тут ни сучка, ни задоринки, все гладко» (подчеркнуто мною. – О.Щ.) [41. С. 513] и употреблено скорее в прямом значении при оценке поверхности дерева – 'гладко, без изъяна', а не в переносном. Фразеологическая единица в переносном значении 'без недостатков, идеально' отмечена, по данным Национального корпуса русского языка, в это же время: («Все в порядке. Ни сучка, ни задоринки!» К.М. Станюкович. Василий Иванович. 1866) и сохраняется в дальнейшем, выступая в функции наречия, категории состояния, прилагательного: «Надя внимательно проверила домашнее задание брата и даже ахнула – все чисто, аккуратно, ни сучка ни задоринки!» (2016 г.) [42].

Фразеологизм *ни сучка ни задоринки* восходит к профессиональному языку столяров, краснодеревщиков: слово *задорина* ‘неровность, задранное место на гладкой поверхности выструганного дерева’ имеет помету «спец.» в словарях Д.Н. Ушакова, Малом академическом словаре [43; 44. С. 517]; *сучок* – «часть ветви, заключенная в древесине ствола» [45]. Столярное дело занимало значимое место в русской культуре, мастера в этой сфере деятельности ценились очень высоко. На всей территории России испокон веков лес являлся основным строительным материалом, и топливом, и источником различных дикоросов, поэтому все, связанное с лесом, становилось важным содержанием жизни всех слоев населения. Высоко ценился корабельный лес, из леса строили и боярские хоромы, и крестьянские избы, из дерева делали сани и телеги, изысканную барскую и незатейливую крестьянскую мебель. Таким образом, обработка древесины в России стала одним из самых распространенных ремесел. Мастера предъявляли высокие требования к деловой древесине: лес должен был хорошо пилиться и строгаться ручным инструментом – это трудоемкая работа. Кроме этого, имелся постоянный спрос на прямой и гладкий лес, лишенный сучков, особенно придирчивы были краснодеревщики, которые изготавливали красивую салонную мебель с инкрустацией и мягкой обивкой; поверхность дерева высокого качества обработки должна быть гладкой, без сучков и шероховатостей. Работа по обработке дерева с таким результатом уподоблялась любому виду деятельности, достигшему совершенства. От строителей и столяров выражение *ни сучка ни задоринки* вошло в общеупотребительную лексику с метафорическим значением – как показатель высокого качества любой работы и идеального состояния, совершенства предмета речи. Например: «Я так напишу челобитенку или другое, что ни сучка, ни задоринки не будет». 1896–1912 [46]; «Его отличный русский язык (ни сучка, ни задоринки) был воспитан именно в России, в Москве...». Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964 г.) [31]. Таким образом, во фразеологической единице *ни сучка ни задоринки* сохранились представления об одной из традиционных форм труда, составляющих специфику русской культуры.

По итогам ассоциативного эксперимента выявлены различия в ассоциативных реакциях на анализируемые фраземы; эти различия свидетельствуют об ассоциативных лакунах: на стимул 白璧无瑕 báibì wúxiá (до-словно: «на белом нефрите ни пятнышка») ‘совершенный, безупречный, без изъяна’ китайские студенты привели ассоциации, отсутствующие в ответах русских респондентов: 白色 ‘белый’, 玉璧 ‘лучший самоцвет’, 璧 ‘нефрит’, 无暇 ‘совершенный’, 十全十美 ‘полностью и без изъяна’, 瑕 ‘изъян; пятно на яшме’; на стимул *ни сучка ни задоринки* русские респонденты назвали следующие ассоциации, не приведенные китайцами: *гладкий, ровный, строганный, строевой лес, хорошая доска* и под. Данные ассоциативные лакуны обусловлены внутренней формой межъязыковых фразем и подтверждают их статус как ассоциативных относительно лакунар-

ных, отражающих национальную специфику русской и китайской лингвокультур.

Русская фразеологическая единица *вынашивать черные мысли* ‘затаить зло’ в китайских источниках переводится двумя фразеологизмами, которые идентичны по семантике, но различны по внутренней форме и в соответствии с ней вызывают абсолютно разные ассоциации: 1) 吃了煤炭 – 黑了心了 *chīle méitàn – hēile xīnle* (дословно: «съел уголь – почернел нутром») [47. С. 133]; 2) 猴儿拉稀 – 坏了肠子 *hóu er lāxī–huàile chángzi* (дословно: «мартышку прохватил понос – испортилась утроба») ‘задумать зло; затаить коварный умысел; вынашивать черные замыслы’ [48. С. 180]. Очевидно, что в межъязыковых ассоциативных лакунарных фразеологизмах используются различные образные средства для выражения одного и того же смысла.

В результате проведенного ассоциативного эксперимента носители русского языка на стимул *вынашивать черные мысли* отреагировали следующими ассоциативными реакциями: *зло, предательство, навет, донос, черная душа, скверный поступок, испорченные отношения, ссоры*.

Носители китайского языка на стимул 吃了煤炭 – 黑了心了 *chīle méitàn – hēile xīnle* ‘задумать зло’ выдали следующие ассоциативные реакции, отсутствующие у русских респондентов на русскую пословицу: 木炭 ‘древесный уголь’, 心 ‘сердце’, 坏心肠 ‘бессовестный, подлый’, 生病 ‘заболеть’, 良心 ‘совесть’, 缺德 ‘бесстыжий’; вторая фразеологическая единица 猴儿拉稀–坏了肠子 ‘вынашивать черные замыслы’ вызвала следующие ассоциации: 猴子 ‘обезьяна’, 拉稀 ‘слабить’, 坏肚子 ‘испортить желудок’, 肠子 ‘кишки, нутро, сердце’, 肚子 ‘брюхо’, 疼痛 ‘боль’, 狡猾 ‘лукавый’. Различия в ассоциативных реакциях, т.е. ассоциативные лакуны, в данном случае обусловлены различной внутренней формой фразеологических единиц.

К ассоциативным относительно лакунарным фразеологизмам относятся также следующие пары разноязычных единиц: 近朱者赤, 近墨者黑 *jìnzhūzhě chì, jìn mòzhě hēi* – *с кем поведешься, от того и наберешься*; 王八瞅绿豆 一 对了眼了 *wángbā chǒu lǜdòu yī duìle yǎnle* – *прійтись по сердцу*. Остановимся на каждом из них.

Китайская фразема 近朱者赤, 近墨者黑 *jìnzhūzhě chì, jìn mòzhě hēi* дословно переводится следующим образом: «тот, кто близок к киновари, красен, кто близок к туши – черен»; «имеющий дело с киноварью пачкается в красный цвет, имеющий дело с тушью – в черный», ее образное значение идентично русской пословице *с кем поведешься, от того и наберешься* [30; 47. С. 119]; фразеологическое значение анализируемых единиц – ‘с кем начинаешь общаться, дружить, с того и берешь пример’; «от человека, с которым общаешься, дружишь, с которым часто встречаешься, невольно перенимаешь его взгляды, привычки, начинаешь подражать ему в чем-либо» и неодобрительную оценочную коннотацию [48]. Выражение меж-

личностных отношений в русской и китайской фразеологии имеет различную сферу прототипических ситуаций. В китайском языке прототипическая ситуация анализируемого выражения связана с ремеслом, изобразительным искусством в Китае, в котором частым является сочетание красного и черного цветов, в русском же языке во фразеологических соответствиях ассоциативная связь с цветом практически не встречается (ср. у В.И. Даля: *Возле пылу постой, раскраснеешься; возле сажи — замараешься* [49], в современных словарях русского языка данная пословица отсутствует).

Анализируемые фраземы имеют прозрачную внутреннюю форму, вытекающую из семантики слов-компонентов, входящих в состав фразеологических единиц. Это приводит к различным ассоциативным коннотациям, выявленным в ходе ассоциативного эксперимента. Так, ассоциативные лакуны обусловлены следующими реакциями на китайскую фразу: 赤 ‘красный’, 墨 ‘чернила’, 黑 ‘черный’, 颜料 ‘краска’, 外部环境 ‘окружающая среда’, 近 ‘рядом’, отсутствующими среди ассоциаций русских респондентов на фразеологическую единицу *с кем поведешься, от того и наберешься*: *выбирать, дружить, друг, увлечение, хобби, плохой, компания, брать пример, подражать* и др.

Китайское 王八瞅绿豆 一 对了眼了 wángbā chǒu lǜdòu yī duìle yǎnle (дословно: «черепаха уставилась на зеленую горошину — пришелся глаз на глаз») ‘приглянуться’ и русское *прийтись по сердцу* [47. С. 133]. Ассоциативная лакуарность данных фразеологических единиц также нашла доказательство в результате интерпретации ассоциативного эксперимента. Китайское 王八瞅绿豆 一 对了眼了 ‘приглянуться’ позволило выявить следующие ассоциативные лакуны: 鳖 ‘черепаха’, 王八 ‘черепаха’, 豆 ‘бобы’, 绿豆 ‘зеленая фасоль’, 瞅 ‘смотреть’, 眼 ‘глаза’, 兴趣爱好相同 ‘взаимная симпатия’. Русская идиома *прийтись по сердцу* вызвала отличающиеся от предыдущих ассоциативные реакции: *полюбить, влюбиться, сердечный, искренний, сердечные дела*.

Таким образом, по данным ассоциативного эксперимента с участием русских и китайских респондентов, рассмотренные выше сопоставляемые относительно лакуарные фразеологические единицы при их семантическом сходстве вызывают разные ассоциативные и культурные коннотации, вытекающие из различий во внутренней форме. Кроме того, внутренняя форма китайских фразеологических единиц зачастую является более конкретной по сравнению с внутренней формой соответствующих русских фразеологизмов и когнитивная особенность формирования их фразеологической семантики в китайском языке заключается в движении от конкретной ситуации к абстрактному выводу.

Заключение

Компаративный анализ фразеологических единиц с компонентом-колоративом в русском и китайском языках, проведенный в аспектах фра-

зеологической эквивалентности и лакунарности, позволяет выявить этнокультурные характеристики сопоставляемых лингвокультур.

Среди разноязычных фразеологических единиц с элементом-цветообозначением выявлены полные и неполные эквиваленты, которые выражают универсальные черты фразеологических картин мира русской и китайской культур, связанные с символикой цвета и отражающие общечеловеческие ценности.

Изучение межъязыковой фразеологической лакунарности дает богатый материал для описания особенностей мировосприятия и культуры соответствующих этносов. Выявление и анализ лакунарных межъязыковых фразеологических единиц, содержащих национально-культурную информацию, и соответствующих межъязыковых лакун, свидетельствующих об отсутствии данной информации во фразеологической картине мира сопоставляемого языка, приводят к выводу о национальной специфике лингвокультур. Во фразеологическом пространстве единиц с компонентом цветообозначением обнаружены следующие типы межъязыковых лакунарных фразеологических единиц: абсолютно и относительно лакунарные фраземы; среди относительно лакунарных фразеологических единиц русского и китайского языков имеются межъязыковые векторные и ассоциативные фразеологизмы.

Наибольшую информацию об этнокультурной специфике содержат межъязыковые абсолютно лакунарные фраземы, не имеющие фразеологических эквивалентов в сопоставляемом языке. Ассоциативные относительно лакунарные межъязыковые фразеологизмы, выявленные в результате проведенного ассоциативного эксперимента, коррелируют в сопоставляемых языках с ассоциативными лакунами, которые вызваны различной внутренней формой фразем. Именно во внутренней форме данных единиц содержится культурная семантика, составляющая специфику национальной культуры. Сравнительно менее информативны в этом отношении векторные межъязыковые относительно лакунарные фразеологические единицы, имеющие различную структуру или понятийный объем фразеологического значения. Тем не менее данные различия также зачастую обусловлены своеобразным видением мира, менталитетом, традициями, историей носителей сопоставляемых языков.

Разработанная методика сопоставительного изучения межъязыковых фразеологизмов с компонентом-колоративом может быть применена для изучения межъязыковой эквивалентности и лакунарности единиц иных фразеосемантических групп и языков с целью выявления универсалий и этноспецифики лингвокультур.

Литература

1. Золотых Л.Г. Формирование лингвокультурологической компетенции при изучении фразеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 1. С. 29–35.

2. Мишанкина Н.А., Деева А.И. Нефтегазовая метафорическая терминология: асимметричность и эквивалентность перевода (на материале русского и английского языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 29–37.
3. Митяева А.П., Щитова О.Г. Языковая объективация концепта *бизнес* в русской и английской лингвокультурах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (168). С. 53–58.
4. Трофимова Н.А., Щитова О.Г. Иноязычные обозначения новейших строительных технологий в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 2 (208). С. 48–53.
5. Щитова О.Г., Дам Т.Н.Ч. Неисконая экологическая терминология в русском и английском языках // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71) : в 3 ч. Ч. 3. С. 170–172.
6. Deniko R.V., Shchitova O.G., Shchitova D.A., Nguyen T. Lan. Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions // Procedia: Social and Behavioral Sciences. 2015. № 215. P. 107–111.
7. Арсентьева Е.Ф., Арсентьева Ю.С. Расширенная метафора как один из типов окказионального использования фразеологизмов-эвфемизмов: экспериментальное исследование // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 5–16.
8. Щитов А.Г., Айдынли М.А. Вариативность смыслов и образов в турецкой и русской фразеологии // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. № 7, ч. 2. С. 209–211.
9. Щитов А.Г. Жизнь семьи в русских и вьетнамских пословицах: к проблеме фразеологической эквивалентности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. 1. С. 213–216.
10. Щитов А.Г., Мао Ч. Язык в культуре русских и китайских пословиц // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26), ч. 2. С. 211–215.
11. Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58.
12. Краснобаева-Черная Ж.В. Опыт осмысления ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 98–116.
13. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966. 608 с.
14. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 1984. 944 с.
15. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта : Наука, 2003. URL: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf (дата обращения: 02.02.2020).
16. Которова Е.Г. Межъязыковая эквивалентность в лексической семантике: сопоставительное исследование русского и немецкого языков // Berliner slavistische Arbeiten. Band 5. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien; Lang, 1998. Europäischer Verlag der Wissenschaften. 415 s.
17. Долгополов Ю.А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале рус., англ. и нем. языков) : дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1973. 263 с.
18. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань : Изд-во КГУ, 1977. 158 с.
19. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. 126 с.

20. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.
21. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
22. Матвеева Ю.О. Межъязыковые соответствия фразеологических единиц с компонентом – музыкальным термином в английском и русском языках // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-sootvetstviya-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-muzykalnym-terminom-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 27.01.2020).
23. Опарина Е.О. Основные понятия переводоведения: (Отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник. М., 2010. URL: <https://gufo.me/dict/translatology> (дата обращения: 02.02.2020).
24. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской) : учеб. пособие. М. : Едиториал, 2003. 360 с.
25. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л. : Просвещение, 1977. 300 с.
26. Байрамова Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 25 (240). Филология и искусствоведение. Вып. 58. С. 22–27.
27. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: 5-е изд. Назрань : Пилигрим, 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 20.02.2020).
28. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 183 с. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php (дата обращения: 02.02.2020).
29. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL> (дата обращения: 02.02.2020).
30. 大 БКРС (Большой китайско-русский словарь). URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 02.02.2020).
31. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.02.2020).
32. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 02.02.2020).
33. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию : учеб. пособие. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с.
34. Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа К. Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып 6 (195). С. 81–87.
35. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. Владимир : ВГПИ, 1980. 106 с.
36. Журавлева И.А. Всемирная история. История средних веков : учеб. пособие. Тула : Изд-во Тул. гос. ун-та, 2007. 214 с. URL: <https://alpan365.ru/istoriya-zhuravlyova/> (дата обращения: 02.02.2020).
37. Медицинская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/4410/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 02.02.2020).
38. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М. : АСМ, Помовский и партнеры, 1994. 120 с.
39. Аишук Н.С., Аишук М.Г. Крылатые слова. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. 668 с.
40. Нефрит в культуре Китая // Об истории изделий из нефрита. URL: <https://geosro.ru/ob-istorii-izdelij-iz-nefrita> (дата обращения: 02.02.2020).
41. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. ; М., 1863. Т. 1. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/236774> (дата обращения: 02.02.2020).
42. Знания. URL: <https://znaniya.com/task/20154037> (дата обращения: 02.02.2020).

43. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/804354> (дата обращения: 02.02.2020).
44. Словарь русского языка : [в 4 т.]. Т. 1: А–Й / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А.П. Евгеньева ; ред. А.П. Евгеньева и Г.А. Разумникова]. М. : Рус. яз., 1981. 696 с.
45. Строительная терминология // Gufo.me – коллекция словарей и энциклопедий. URL: https://gufo.me/dict/building_terms/ (дата обращения: 02.02.2020).
46. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/mich_1.htm (дата обращения: 02.02.2020).
47. Войцехович И.В. Практическая фразеология современного китайского языка : учеб. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 509 с. URL: <https://nashol.com/tag/voicehovich/> (дата обращения: 02.02.2020).
48. Викисловарь: Открытая энциклопедия: Многоязычный открытый словарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 02.02.2020).
49. Пословицы русского народа / В.И. Даль. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_\(Даль\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Пословицы_русского_народа_(Даль)) (дата обращения: 02.02.2020).

Interlingual Phraseological Equivalence and Gaps: An Ethnocultural Aspect (Based on the Russian and Chinese Languages)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 158–179. DOI: 10.17223/19986645/65/10

Olga G. Shchitova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitova2010@mail.ru

Alexandr G. Shchitov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shchitovtomsk@mail.ru

Keywords: phraseology, interlingual phraseological equivalence, lacunarity, ethnic and cultural specificity, Russian, Chinese.

The article is devoted to the analysis of interlingual equivalence and gaps in the Russian and Chinese phraseology in relation to ethnocultural specificity. The aim is to identify and describe national-specific features of the phraseological picture of the world in the phenomena of interlingual phraseological equivalence and gaps of Russian and Chinese. The material for the study includes Russian and Chinese phraseological units with a colour component, which is drawn from dictionaries of collocations, explanatory dictionaries, Internet information resources, the Russian National Corpus, and reference books of colour names in Russian and Chinese. The methodology is based on works on the theory of linguistic equivalence and gaps, contrastive phraseology, and linguistic culturology. The article uses descriptive and comparative methods of scientific research. Along with these methods, the authors also use linguistic methods of definitive, semantic, component, and linguoculturological analysis as well as methods of linguistic and associative experiments. The respondents in the experiments are Russian and Chinese students from Tomsk universities. The experiments are aimed at verifying semantics, connotative and stylistic properties of multilingual phraseological units, and at identifying the associations they caused. The article defines the conceptual apparatus referring to problems of contrastive phraseological equivalence and gaps. The typology of interlingual phraseological equivalents is based on the comparison of multilingual units in terms of phraseological semantics, stylistic properties, and the internal form. On the basis of the developed criteria, the classification of interlingual phraseological equivalents is made and their main types are determined: full, partial equivalents, as well as non-equivalent phrasemes. The section on interlingual phraseological gaps reveals absolute and partial language gaps. Among partial gaps, varieties of vector and associative gaps are identified. In accordance with this typology of interlingual gaps, the typology of phraseological units with interlingual gaps is made. The typology is based on a comparison of correlative units of different languages in terms of the conceptual scope, the structure of a phraseological meaning, and associative connotation. From these positions, phraseological units with interlingual absolute and relative

gaps are classified. The latter are further subdivided into phraseological units with vector and associative gaps. The article reveals ethnospecific information contained in the given phraseological units and determines the degree of informativeness depending on the type of the phraseological unit in relation to gaps. Phraseological units with interlingual absolute gaps are considered to be the most informative in terms of national-cultural identity. Relative gap associative and vector units contain a little less informative ethnospecific data.

References

1. Zolotykh, L.G. (2007) The formation of the linguacultural competence while studying phraseology. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 1. pp. 29–35. (In Russian).
2. Mishankina, N.A. & Deeva, A.I. (2013) Oil and gas metaphorical terminology: equivalence and asymmetry of translation (based on Russian and English languages). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (26). pp. 29–37. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/26/3
3. Mityaeva, A.P. & Shchitova, O.G. (2016) Language objectivization of business concept in Russian and English linguocultures (on the basis of the associative experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (168). pp. 53–58. (In Russian).
4. Trofimova, N.A. & Shchitova, O.G. (2020) Foreign naming units for advanced construction technologies in Russian. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (208). pp. 48–53. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-49-54
5. Shchitova, O.G. & Dam, T.N.Ch. (2017) Inorganic environmental terminology in Russian and English. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 5 (71) Pt. 3. pp. 170–172. (In Russian).
6. Deniko, R.V. et al. (2015) Learning terminology in the Age of Higher Education Internationalization: Problems and Solutions. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 107–111. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.582
7. Arsent'eva, E.F. & Arsent'eva, Yu.S. (2017) Extended metaphor as one of the types of occasional use of phraseological euphemisms: an experimental study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/1
8. Shchitov, A.G. & Aydynli, M.A. (2015) Variability of meanings and images in the Turkish and Russian phraseology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 7. Pt. II. pp. 209–211. (In Russian).
9. Shchitov, A.G. (2015) Family life in the Russian and Vietnamese proverbs: On the problem of phraseological equivalence. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 9 (51). Pt. I. pp. 213–216. (In Russian).
10. Shchitov, A.G. & Mao, Ch. (2013) Language in culture of Russian and Chinese proverbs. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8 (26). Pt. 2. pp. 211–215. (In Russian).
11. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F. (2018) Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 42–58. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/3
12. Krasnobaeva-Chernaya, Zh.V. (2018) Experience of understanding the axiological world image in phraseology: a structural organization (based on Russian, Ukrainian, English and German). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 98–116. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/6

13. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
14. Kunin, A.V. (1984) *Anglo-russkiy frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
15. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka. [Online] Available from: http://lab314.brsu.by/kmp-lite/kmp2/JOB/LingvoDSL/nelyubin_1_1_tolkovyy_perevodovedcheskiy_slovar.pdf. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
16. Kotorova, E.G. (1998) *Mezh'yazykovaya ekvivalentnost' v leksicheskoy semantike: sopostavitel'noe issledovanie russkogo i nemetskogo yazykov* [Interlanguage equivalence in lexical semantics: a comparative study of Russian and German languages]. In: *Berliner slavistische Arbeiten*. Vol. 5. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften.
17. Dolgoplov, Yu.A. (1973) *Sopostavitel'nyy analiz somaticheskoy frazeologii (na materiale rus., angl. i nem. yazykov)* [Comparative analysis of somatic phraseology (based on Russian, English and German languages)]. Philology Cand. Diss. Kazan.
18. Solodukho, E.M. (1977) *Voprosy sopostavitel'nogo izucheniya zaimstvovannoy frazeologii* [Issues of Comparative Study of Borrowed Phraseology]. Kazan: Kazan State University.
19. Arsent'eva, E.F. (1989) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits (na materiale frazeologicheskikh edinits, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh)* [Comparative Analysis of Phraseological Units (based on phraseological units semantically oriented to a person in English and Russian)]. Kazan: Kazan State University.
20. Kunin, A.V. (2005) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of Phraseology of Modern English]. Dubna: Feniks+.
21. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
22. Matveeva, Yu.O. (2016) Interlanguage counterparts of phraseological units with the component – musical term in the English and Russian languages. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhyazykovye-sootvetstviya-frazeologicheskikh-edinits-s-komponentom-muzykalnym-terminom-v-angliyskom-i-russkom-yazykah>. (Accessed: 27.01.2020). (In Russian).
23. Oparina, E.O. (2010) *Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt). Terminologicheskii slovar'-spravochnik* [Basic Concepts of Translation Studies (domestic experience). Terminological dictionary]. Moscow. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/translation> (Accessed: 02.02.2020).
24. Stepanov, Yu.S. (2003) *Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoy)* [French Stylistics (in comparison with Russian)]. Moscow: Editorial.
25. Gak, V.G. (1977) *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of French and Russian Languages]. Leningrad: Prosveshchenie.
26. Bayramova, L.K. (2011) Linguistic Lacunary Units and Gaps. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – CSU Bulletin*. 25 (240). pp. 22–27. (In Russian).
27. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th ed. Nazran: Pilgrim. [Online] Available from: https://lingvistics_dictionary.academic.ru. (Accessed: 20.02.2020). (In Russian).
28. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/04.php. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).

29. Fedorov, A.I. (n.d.) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. [Online] Available from: <http://getword.ru/ru/slovari.php?table=fedDSL>. (Accessed: 02.02.2020).
30. 大BKRS (*Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'*) [大BKRS (Large Chinese-Russian Dictionary)]. [Online] Available from: <https://bkrs.info/>. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
31. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru. (Accessed: 02.02.2020).
32. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://gufo.me/dict/ozhegov>. (Accessed: 02.02.2020).
33. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text. Introduction to Lacunology]. Moscow: GEOTAR-Media.
34. Shchitova, O.G., Shchitov, A.G. & Khua, K. (2018) Cognitive modeling of color naming in Russian and Chinese. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (195). pp. 81–87. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-6-81-87
35. Murav'ev, V.L. (1980) *Problemy vozniknoveniya etnograficheskikh lakun: posobie po kursu tipologii russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Problems of the Emergence of Ethnographic Gaps: A Manual on the Typology Course of the Russian and French Languages]. Vladimir: Vladimir State Pedagogical Institute.
36. Zhuravleva, I.A. (2007) *Vsemirnaya istoriya. Istoriya srednikh vekov* [The World History. History of the Middle Ages]. Tula: Tula State University. [Online] Available from: <https://alpan365.ru/istoriya-zhuravlyova/>. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
37. Akademik. (n.d.) *Medsitsinskaya entsiklopediya* [Medical encyclopedia]. [Online]. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/4410/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F. (Accessed: 02.02.2020).
38. Dobrovol'skiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Associative Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ASM, Pomovskiy i partnery.
39. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1960) *Krylatye slova* [Winged Words]. Moscow: Gosudarstvennoye. Izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
40. Geosro.ru. (2019) *Nefrit v kul'ture Kitaya* [Jade in the culture of China]. [Online] Available from: <https://geosro.ru/ob-istorii-izdelij-iz-nefrita>. (Accessed: 02.02.2020).
41. Dal', V.I. (1863) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Saint Petersburg; Moscow: [s.n.]. Vol. 1. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/236774>. (Accessed: 02.02.2020). (In Russian).
42. Znaniya. (2016) *Pridumaye predlozheniye s frazeologizmami: kak s gusya voda, ni suchka ni zadorinki* [Male a sentence with phraseological units: kak s gusya voda, ni suchka ni zadorinki]. [Online] Available from: <https://znaniya.com/task/20154037>. (Accessed: 02.02.2020).
43. Ushakov, D.N. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/804354>. (Accessed: 02.02.2020).
44. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
45. Gufo.me. (2020) *Stroitel'naya terminologiya* [Construction Terminology]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/building_terms/. (Accessed: 02.02.2020).
46. Mikhel'son, M.I. (2004) *Bol'shoy tolkovo-frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory and Phraseological Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: http://www.ets.ru/pg/r/dict/mich_1.htm. (Accessed: 02.02.2020).

47. Voytsekhovich, I.V. (2007) *Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* [Practical Phraseology of the Modern Chinese Language]. Moscow: AST: Vostok – Zapad. [Online] Available from: <https://nashol.com/tag/voichehovich/>. (Accessed: 02.02.2020).

48. *Vikislovar'. Otkrytaya entsiklopediya. Mnogoyazychnyy otkrytyy slovar'*. [Wiktionary. The free encyclopedia. The free multilingual dictionary]. [Online] Available from: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. (Accessed: 02.02.2020).

49. Dal', V.I. (2018) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. [Online] Available from: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0_\(%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%86%D1%8B_%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0_(%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C)). (Accessed: 02.02.2020).